

R 172
131

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КУЛЬТУРА
И
ПИСЬМЕННОСТЬ
ВОСТОКА

и.ч.ч. - 812

КНИГА IV-я

29-2268

ИЗДАНИЕ В.Ц.К. Н.Т.А.

П

Баку— 1929.

Материалы к вопросу о звуковом составе чагатайского языка.

Вопросы алфавита, орфографии и литературного диалекта среди узбеков продолжают служить темой горячих споров. Споры эти едва ли могут привести к положительным результатам, если все выводы будут делаться, как это было до сих пор, чисто умозрительным путем, без учета конкретных языковых фактов. Для решения подобного рода вопросов необходимо значительное количество предварительных материалов как из живых узбецких говоров, так и из языка классического, каковым для узбеков является язык чагатайской письменности.

Собирание материалов по живым узбецким говорам идет довольно интенсивно, хотя темп опубликования их в печати оставляет желать многого. Интерес к языку чагатайскому за последнее время также возрос. Недалеко то время, когда материалы, собранные общими усилиями туркологов как из среды самих узбеков, так и из представителей других национальностей создадут достаточно устойчивую базу для решения тех вопросов, которые в настоящее время так волнуют узбецких реформаторов языка и письменности. На роль такого предварительного материала рассчитана и настоящая статья.

* * *

По вопросу о звуковом составе чагатайского языка, насколько мне известно, в специальной литературе до сих пор ничего не писалось, если не считать случайных замечаний, сделанных Фоем и Радловым в их работах по истории турецких гласных¹. Имеется попутное предположительное указание П. М. Мелиоранского на то, что „чагатайский (у Мелиоранского: „джагатайский“) язык создан не без участия иранских элементов“². Проф. А. Н. Самойлович самих „чагатайцев“ считает об’иранившимися турками,³ а чагатайский язык сближает с языком „западно-туркестанских сартов“⁴. Радлов, транскрибируя чагатайские слова в своем словаре, не различал звуков „ь—і“ и „л—і“ (т. е. „твердого“ и „мягкого, „л“): сближая таким образом, фонетику чагатайского языка с фонетикой современных иранизованных (утративших сингармонизм) узбецких говоров.

Из истории мы знаем, что территория занимаемая ныне узбеками, прежде была населена иранцами. Известно также и то, что турки—завоеватели, смешиваясь в завоеванных местах с иранцами и воспринимая их культуру, часто давали им свой язык. Но как турец-

кая культура сдавала свои позиции не сразу, оставляя заметный след на местной иранской, так и иранский язык, уступая свое место турецкому, в свою очередь, влиял на него.

Если посмотреть на современное состояние народного узбекского языка⁵ и на его взаимоотношения с таджикским, то можно ясно различить четыре группы узбекских говоров, переживающих различные стадии своего развития на новой родине: 1) говоры сохранившие турецкий звуковой состав и сингармонизм, но имеющие значительные иранские словарные заимствования (Чимкентский и Туркестанский районы). 2) Говоры, частично изменившие свой звуковой состав (переход общетурецкого „а“ то в „э“, то в сильно-лабиализованной „а“, слияние звуков „ь—і“, неразличение „л—l“) и утратившие сингармонизм (г. Ош). 3) Говоры, целиком сохранившие иранские гласные и утратившие сингармонизм и различение „л—l“⁶. (Ташкент с некоторыми окрестными кишлаками. Вуадиль и др.). 4) Говоры таджиков, говорящих и по—узбеки и по—таджики (основное население г.г. Самарканда, Бухары и др.)⁷. Эта последняя группа дает наиболее наглядную картину того, как иранское население, воспринимая турецкий язык, затрудняется при усвоении турецких гласных и двух типов „л“ (л—l)

Такая картина турецко-таджикских языковых взаимоотношений дает нам некоторое представление о самом процессе турецко-иранского языкового смешения, при чем довольно отчетливо указывает на те опорные пункты, которые наиболее стойко защищала иранская языковая стихия. Этими пунктами были и есть: 1) иранские гласные и 2) звук „l“. Это обстоятельство, мне кажется должно учитываться и при обсуждении вопроса о звуковом составе чагатайского языка. (Едва ли нуждается в каком-либо доказательстве то положение, что турецко-иранские языковые отношения уходят в глубь истории⁸).

* * *

Дошедшие до нас памятники чагатайского языка в общей своей массе не могут служить сколько нибудь надежным материалом по интересующему нас вопросу, т. к. ни для различения турецких гласных, ни для различения двух типов турецкого „l“ арабский алфавит, которым написаны памятники, средств не имеет⁹. Но если для решения нашего вопроса так мало полезны эти памятники в целом, то среди них есть маленькая частица, которая, с моей точки зрения, представляет большую ценность, это—четверостишия—„туйуги“ (tujuq)¹⁰ с игрой рифм, с „təçnis-ом (تجنيس), хотя Фитрат и говорит о „təçnis-e“¹¹ «يارم چاقالق نهه ميه تي یر قدر» Свои суждения о звуковом составе чагатайского языка я строю на этого рода четверостишиях, при чем беру только те из критически изданных и переведенных А. Н. Самойловичем туйугов, təçnis-ы которых, на мой взгляд, дают материал для суждения в отношении входящих в них звуков. Туйуги из ¹²تعشق نامه не использованы мною вовсе. От привлечения обычной рифмы я пока отказываюсь, а если и привожу ее, то только попутно. Не учтен

мною в настоящей работе и *teçnis* персидский, без которого едва ли можно делать какие либо окончательные выводы из наблюдением над *teçnis*-ом чагатайским.

* * *

Привлекая *teçnis* в качестве материала, я исходил из того положения, что он рассчитан не только на зрительный, но и на слуховой эффект, а потому должен иметь не только вполне совпадающую орфографию, но и совершенно тождественной звуковой состав. Расчет на зрительное восприятие сомнений не вызывает, т. к. об этом с исключительной убедительностью говорит орфография *teçnis*-ов. На то же, что звуковая сторона также должна играть роль, достаточно, мне кажется, ясно указывает отрывок из *میزان الاوزان* Неваи, приведенный А. Н. Самойловичем, Фитратом и *Körgyly-zadä*¹³, где Неваи употребляет глагол *ajt*—„сказывать“. Большой знаток чагатайской литературной традиции и сам литератор Фитрат, определяя *teçnis*, говорит, что он, различаясь в значении, тождествен в написании и в произношении¹⁴. На полное звуковое тождество, за самым редким исключением, говорят и *çinasli tæni*, собранные Куношем¹⁵.

o — o

شمع ینکلیغ یانه دور باشم دین اوت * کوز یاشیم دین یر یوزیده اوندی اوت
قان یاشیم قیلدی یولونکنی لاله زار * مونجه تقصیرایلا دیم قانیم دین اوت (Эмири)

Если эти три *اوت* читать, ориентируясь на сингармонистическое произношение, то получим следующее: 1) *ot*—„огонь“, 2) *ot*—„трава“, но 3) *ot*—„пройди, прости“. Разница между звуками „o“ и „o“ столь значительна, что игра таких слов, как „ot“ и „o“ едва ли может считаться удачной, т. к. никого из представителей говоров сингармонистических она в затруднение не поставит, как, напр., русское ухо насколько не затруднится в различении слов „пыл—пыль—пил“. Иное дело, если мы попробуем произнести это четверостишие по—ташкентски (вместо ташкентского можно было бы взять какой нибудь другой говор с аналогичным звуковым составом), тогда у нас все три *اوت* будут звучать совершенно одинаково (ташкентский говор „o“ и „o“ не различает) и употребление получится полное.

ь — i

سیندی کونگم شیشه سی غم تاشیدین * قان سرایت قیلدی ایچ و تاشیدین
قورقارام سین هم وهاسیز لار تیکین * بولماغای سین ایچی کفرو تاشیدین (Лютфи)

При чтении трех *تاشیدین* сингармонистически игры слов не получится: 1) *taşdın* (*taş*—„камень“, +ь+dın) 2) *taşdın* (*taş*—„внешность, внешняя сторона“ +ь+dın) 3) *taşdın* (*taş*—„внешность, внешняя сторона“ +ь+dın—„вера, религия“).

Из этих трех *تاشیدین* исходным пунктом я беру последний, где *دین* употреблено в значении „религия“. Слово это не только во всех

известных узбекских диалектах (как иранизованных, так и не—иранизованных), но и во всех мусульманско-турецких, если так можно выразиться, наречиях звучит „dɪn“ (произношение „dɪp“ мне неизвестно, нет его и в словаре Радлова), тогда как исходный падеж для слова taʃ (в обоих значениях) в сингармонистических говорах может быть только dɪp (в тех говорах, конечно, где исходный падеж будет не dɑn/dæn, а dɪn/din, как в Манкенте или Карабулаке¹⁸). Строить taʃnɪs на звукосочетаниях dɪp—din, очевидно, нельзя, а потому это четверостишие может отвечать своему назначению только в том случае, если читать его с ориентацией на говор, в котором звуки ь—i не различаются.

ь—i, л—l.

كېچىنى ۋە توشماڧى اول يارايللا   * قورقارام كوتكۈم بو غەمدين يارايللا
 بو وفاسيزلىق كە سېندىن گورمېشام   * اعتقادىم قالماڧى هېچ يارايللا (Лютфи)

Значение يارايلла : 1) يار — друг, подруга (возлюбленный, возлюбленная) + ايل — „рука“ + ا — дательный падеж (вместо ە), 2) يارايللا — настоящ.—будущ. время 3-го лица ед. чис. от глагола ياريلماق — „расколоться“, 3) يارايللا — يار — „друг, подруга“ (возлюбленный, возлюбленная) + ايل — „народ“ + ا — дат. пад. (вместо ە).

А. Н. Самойлович транскридирует эти يارايلла так: 1) jaɣ ele, 2) jaɣла и 3) jaɣ ele. Если сделать небольшое изменение, написав в первом и третьем случаях elə вместо ele („e“ возможно только в первом слоге), то получится чтение, приблизительно соответствующее сингармонистическим узбекским говорам, но для taʃnɪs'a оно не годится. Все мои попытки установить такое чтение, которое бы давало полное звуковое совпадение рифмы и, в то же время, соответствовало бы какому-либо из живых узбекских говоров, успеха не имели. Но есть возможность, хотя и не лишенная значительного риска, подойти к этому четверостишию несколько иным путем.

За опорный пункт для всех трех يارايلла можно принять звук „l“, который в двух случаях (— „рука“ и ايل — „народ, люди“) будет „мягким“ („l“, а не „l“) в любом говоре; в третьем же (يارايللا от гла. ياريلماق) — его следует подчинить двум другим и читать тоже с „мягким“ („l“, а не „l“), как и в первых двух случаях.

Допущение в глаголе ياريلماق „l“ вместо „l“ ведет за собой чтение его в форме „jaril“, а не „jaɣl“ (из отсутствия различения „l—l“, вытекает, естественно, и отсутствие различения „ь—i“), а при таком положении дееприч. наст. вр. будет не „jaɣла“ или „jarila“, а только „jarilə“ (единственно возможная форма в иранизованных узбекских говорах). Таким образом, получается рифма „jaɣ elə — jarilə — jaɣ elə“. Уподобление более близкое, чем при „jaɣ elə—jaɣла—jaɣ elə“, но еще не полное (остается „e—i“). Колебание „e—i“ довольно распространенное явление в узбекских говорах (eki—iki „два“, de—di „сказать“, je—ji „кушать“, dehqan — dihqan „крестьянин“, mehman — mihqan „гость“ и т. д.), что позволяет допустить возможность двоякого чтения слова ايل (в обоих значениях): el || il.

Слово *ایل* — „руки“ в современных узбекских говорах мне не удалось, но его без всякой натяжки можно сопоставить со словом *ایلیک || ایلیک* в значениях: 1) рука, 2) ширина пальца (мера длины) и 3) кости (трубчатые) рук и ног. В первых двух значениях („рука“, „ширина пальца“) слово это в словаре Радлова (I. 815, 816) для чагатайского дано в форме *əlik* (читай: *elik*), а в третьем („кости рук и ног“) — в форме *ilik* (I. 1484).

Произношение *ایلیک* в значении „кости рук и ног“ сомнений не вызывает (ср. в современном узбекском *ilik || jilik*), что же касается этого слова в значении „рука“, „ширина пальца“, то Бабур рисует его с *بیلیک* (*bilik*) — „знание“:

⁽²⁰⁾ نى اتىنىڭ ايشىنى قىلماق ھە ۋاھىلىك * نى اتىنىڭ كىمىنى بىلماك كاپىلىك
⁽²¹⁾ ھەر توتام تورت اىلىك بىتە ھەر اىلىك * اتى جو عرضى بولدى بىل بو بىلىك

На основании этих рифм я допускаю возможность чтения *ایلیک* — „рука“, „ширина пальца“ — не только в форме *əlik* (*elik*), как дано у Радлова, но и *ilik*. В подтверждение этого можно привести еще следующие примеры: 1) *ilik* (Буадиль) ⁽²²⁾ „ширина пальца“, 2) *beş ilik* (Буадиль и киргизск. нареч.) „вилы пятипалые“, 3) *us uyluk* с *us ilik* (киргизск. нареч.) „вилы трехпалые“. Сопоставляя *ilik* с *ایل* (рука), не будет большой натяжки, если и для этого последнего допустить возможность произношения *il* наряду с *el*.

ایل — „народ“ во всех известных мне узбекских говорах произносится *el* (в других турецких наречиях его произношение варьирует: *əl*, *el*, *il*, *iil*), но в „Шейбани—намэ“ оно рифмуется с *بیل* и *غافل*

قایدا كېم تاغنى تېشى بېزىنىك ایل * تركمان بولمادی الدین غافل
 („Шейбани—намэ“ LXVIII, 36).

ایتىك امریدا ابدى اوتوز بیل * ھەر قاجان بولسه ایتىكدور اول ایل
 („Шейбани—намэ“ LXXI, 23).

غافل — „нерадивый, беспечный“ — имеет произношение *qarıl* (в узб. говорах не-иранизованных) или *qaril* (в говорах иранизованных), *بیل* — „год“ — *jıl* (в не-ираниз.) или *jil || il* (в иранизов. говорах и в чагатайском). Как в том, так и в другом случае произношение *ایل* „народ“ — в форме *il* для рифмы лучше чем *el*. На этом основании я предпочитаю транскрибировать *təçnis* *بارایلا* так: *jar ilə—jarilə—jar ilə*.

Отличным подтверждением возможности чтения *ایل*, как *il* могло бы послужить опубликованное проф. Kərgyly-zadə ⁽²³⁾ четверостишие с *təçnis*-ом *بوز ايله*, где *ایله* первой строки в отношении своего звукового состава не вызывает никаких сомнений, но, к сожалению, истолковать его до конца мне не удалось.

u — y

Для этих звуков я беру четверостишие *-a*, поэта XIX века, т. е. представителя не классическо-чагатайской, а уже ложно-классической эпохи.

ایمدی گیلایب مین بیله عشرتی توز * فرقتینک دا کوز باشیمدین تولدی توز
بیر طعامی یوق انکا اصلاکه توز * وصلینکی هجرینگدا تاپماس مثل بو

А. Н. Самойлович транскрибирует так: 1) *tyz* — „равнина“; 2) *tyz* — „устрой и 3) *tuz* — „соль“.

Если правильны мои выводы относительно „O—Θ“, то буквально то же самое следует сказать и об этом четверостишии, т. е. что с действительной игрой рифм его может читать только представитель того говора, в котором „u—y“ не различаются.

Изложенные факты приводят меня к тому предположению, что важнейшие чагатайские поэты были представителями говоров не-сингармонистических, в которых насчитывалось только шесть гласных. Прибавив к этим гласным еще открытый звук „e“ (комбинаторный вариант), о котором я уже писал²⁵⁾, стоящий между „e“ (закрытым) и „ə“, получим состав гласных в чагатайском, вполне совпадающий с составом гласных некоторых иранизованных (утративших сингармонизм) узбекских говоров Ферганского округа, где, мне кажется, и следует искать ответа на многие вопросы чагатайки.

Окончательное решение вопросов чагатайской фонетики — дело будущего. Много в этом отношении должна разъяснить давно обещанная А. Н. Самойловичем грамматика чагатайского языка.

Примечания:

1) Foу K. Türkische Vocalstudien besonders des Köktürkische und Osmanische betreffend. MSOS Jahrg. III Abth. II. 1900.

Radloff W. Zur Jesehichte des türkische Vokalsystems. ЦАН. 1901 XIV, № 4.

2) Мелиоранский, П. М. Араб филолог о турецком языке. СПб. 1900. Стр. III, прим. 2.

3) Самойлович, А. Н. Четверостишия — туйуги Неваи. Журн. „Мус. Мир“ 1917 г., вып. I, стр. 5, прим. 5.

4) Самойлович, А. Н. Абду-с—Саттар кызы. СПб. 1914. Стр. XVI.

5) Я разумею только те современные узбекские говоры, которые в предварительной классификации Г. Алима (Юнусова) отнесены в группу уйгурско-чагатайскую. (Журн. Просв. и Учит.“ 1927 г. № 12. Самарканд. غ. عالم توتوبيك تلتك تاوشلاری

6) О двуязычии таджицко-турецком см. Е. Д. Поливанов. Образцы не-сингармонистических (иранизованных) говоров узбекского языка. ДАН—В, 1928 г. № 14.

Еще М. Андреев. Поездка летом 1928 г. в Касанский район. „Изв. О-ва для изучения Таджикистана...“ Т. I. 1928.

Да едвали, в сущности, есть особенная надобность в том, чтобы выискивать в литературе факты такого двуязычия, их может дать почти всякий соседящий с турками (узбеки, казаки, киргизы) таджицкий кишлак.

7) Парность других согласных в отношении палатальности в иранизованных узбекских говорах тоже, очевидно, отсутствует (я не говорю, конечно, о „q — k“ и „q — g“).

8) Для XI в. ср. свидетельство Махмуда Кашгарского, приведен. В. В. Бартольдом (Иран I, 36), о двуязычии (согдийско-турецком) жителей Баласагуна. Тараза и „Белого города“ (مدینه البیضاء).

Баласагуна теперь не существует и местоположение его пока не установлено. Жители Тараза (современный Дулиата) в настоящее время говорят на ирани-

зованном узбекском диалекте. По говору „Белого города“ (современный Сайрам) в моем распоряжении материалов нет.

⁹⁾ Малую пригодность арабского алфавита для изображения звуков турецкого языка Мелиоранский (цит. соч. стр. III) считает „большой помехой для лингвистического исследования дошедших до нас памятников турецкого языка, особенно со стороны фонетики и морфологии“.

¹⁰⁾ О туйугах см. Самойлович, А. Н. Четверостишия — туйуги Неваи. (Журн. „Мус. Мир“ 1917 г., вып. 1).

Көргүлү-zadə. تورك قلاسیق ادبیاتده خصوصی نظم شکلاری توپوغ

تورکیات مجموعەسی 1926 г. № 2).

Фитрат (فترت). Теория словесности (на узбек. языке). Самарканд—Ташкент. 1926 г., стр. 49—50.

¹¹⁾ Фитрат. Цит. соч. стр. 86.

¹²⁾ Самойлович, А. Н. Отрывок из „Теашшук-намэ“ с игрою рифмующих слов. ДАН—В. 1927 г. № 2.

¹³⁾ В работах этих авторов, указанных в примеч. 9.

¹⁴⁾ Фитрат. Цит. соч. стр. 86.

¹⁵⁾ Образцы народной литературы тюркских племен. Часть VIII. СПб. 1899. стр. 487 след.

¹⁶⁾ Самойлович, А. Н. Из туюгов чагатайца Эмири. ДАН—В. 1926.

В переводе рифмующих слов я везде следую А. Н. Самойловичу; в транскрипции же вместо русского алфавита употребляю знаки нового узбекского (лат.) алфавита, сохраняя за ними только то значение, которое им придается в узбекском письме.

¹⁷⁾ Самойлович, А. Н. Чагатайские туюги Лютфи. ДАН—В. 1926.

Это четверостишие было опубликовано и переведено тем же автором и раньше (см. „Мус. Мир“ 1917 г., вып. I, стр. 10).

¹⁸⁾ О говорах этих селений см. мои статьи; журн. „Просв. и Учит.“ 1927 года №№ 10, 12. Самарканд. (Заглавие статьи приведено с исправлением опечаток).

1 مه نکه انت شیوه سنک فونیکه وی یازیشی

2) Некоторые особенности карабулакского говора. Сборн. „Бартольд“ Ташкент. 1927.

¹⁹⁾ См. примеч. 16.

²⁰⁾ Самойлович, А. Н. Собрание стихотворений императора Бабур. Петроград. 1917. Стихотв. № 226, 13.

²¹⁾ Стих приведен в словаре В. В. Радлова (I, 816) под словом älik.

²²⁾ Так же это слово звучит и в подвергающемся туркизации таджикском говоре сел. Касан. (См. М. Андреев. Цит. соч. 123).

²³⁾ Көргүлү-zadə. Цит. соч.

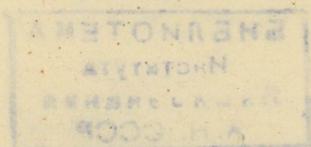
²⁴⁾ Самойлович, А. Н. Хивинские туюги XIX века. ДАН—В 1927 г. № 2.

²⁵⁾ Журн. „Просв. и Учит.“. 1928 г. № 7. Самарканд. یوداخین - وه دیل شیوه سی

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Я З Ы К О З Н А Н И Я

Т Р У Д Ы
И Н С Т И Т У Т А
Я З Ы К О З Н А Н И Я

Т о м VI

82217

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1956

А. З. Розенфельд

К ВОПРОСУ О ПАМИРСКО-ТАДЖИКСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

(На материалах ванджских¹ говоров)

В долинах Припамирья, как известно, до наших дней дожили так называемые памирские языки, относящиеся к северо-восточной группе иранских языков. Можно предположить, что несколько веков назад эти языки были более многочисленны и занимали часть территории, ныне являющейся областью распространения таджикского языка (каратегинские, дарвазские и ванджские говоры юго-восточной группы).

На этой территории происходило наступление таджикского языка на памирские языки и постепенное их вытеснение. В результате скрещивания таджикского языка с памирскими таджикский язык вышел победителем, сохранил свой грамматический строй и основной словарный фонд, а те памирские языки, которые оказались побежденными, постепенно теряли свое качество и отмерли, обогатив однако словарный состав таджикских говоров, ныне распространенных на этой территории. Памирские языки оставили свой след и в фонетике некоторых юго-восточных говоров, главным образом дарвазских и ванджских. Влияние памирских языков на юго-восточные говоры таджикского языка, будучи особенно заметным в ванджских и дарвазских говорах, ослабляется к северо-западу, прослеживается лишь в левобережном каратегинском говоре и в слабой степени распространяется на правобережный каратегинский говор.

Что касается морфологической системы юго-восточных говоров, то даже в ванджских говорах, теснее всего связанных с памирскими языками, влияние последних совершенно незначительно. Ванджские говоры развиваются по внутренним законам таджикского языка и не восприняли грамматических элементов, характерных для памирских языков (выражение множественного числа, рода, склонение, спряжение, система местоимений и т. п.). Если подобные заимствования и имеют место, то они несомненно являются лексическими заимствованиями (некоторые местоимения, наречия).

---

¹ В административной и географической терминологии река называется Ванч, а район Ванчским, хотя более правильным является название Вандж.

Особо следует выделить вопрос словообразования (словообразовательные суффиксы и словосложение), где заметно некоторое влияние памирских языков.

Ванджские говоры таджикского языка распространены в Ванчском районе Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР и лежат на крайнем востоке территории сплошного распространения таджикского языка¹. На западе ванджские говоры соседят с дарвазскими говорами таджикского языка как на территории СССР, так и в Афганистане, а на юго-востоке — с язгулемским языком, относящимся к памирской группе языков. В недавнем прошлом в Ванчской долине также был распространен один из языков памирской группы — ванджский, ныне окончательно вымерший. И. И. Зарубину удалось записать около 50 слов, относящихся к этому языку, а также отметить наиболее характерные для него особенности: 1) соответствие *š* шугн. *s*; 2) наличие дифтонга *ai*; 3) широкое распространение суффикса *-ij*, *-aj*, *-inj*, *-oč*; 4) определитель стоит перед определяемым. Кроме того, автор указывал на наличие остатков вымершей речи в современных таджикских говорах Ванча².

В настоящее время можно еще получить от местных жителей сведения, подтверждающие недавнее существование ванджского языка (*vanjivori*, *vanjivorak* — как его называют местные жители) и даже записать отдельные слова или связанные отрывки на этом языке. Однако эти сведения могут дать лишь некоторые лица, интересующиеся историей своего края. Во время летних поездок на Ванч в 1949 и 1951 гг. нам удалось собрать дополнительные материалы по ванджскому языку, а также проверить, какой же след оставил этот язык в современных ванджских говорах таджикского языка.

Перейдем к рассмотрению конкретного материала.

І ДОПОЛНЕНИЯ К ОПУБЛИКОВАННЫМ И. И. ЗАРУБИНЫМ МАТЕРИАЛАМ

А. Связные отрывки

Эти отрывки были сообщены автору в ответ на вопрос о том, что известно из ванджского языка. В этих отрывках имеются слова, ныне встречающиеся и в других памирских языках, а также и таджикские слова. Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые из отрывков рифмованы.

- 1) *olčin dar tayi polčin, alhafiz bəng kard, bəxəz, voγ-voγ kin ta važdra* —
„Вилы находятся под бороной, петух пропел, вставай, разбросай снопы по току, чтобы просохли“.

¹ Об этих говорах см. А. Э. Розенфельд. Ванчские говоры. „Доклады АН Тадж. ССР“, вып. V, 1952, стр. 49—53.

² И. И. Зарубин. К списку памирских языков. Доклады Российской АН, серия В, 1924, стр. 79—81.

olčīn — „вилы“;

polčīn — „местная борона без зубьев“; тадж. *чапар*;

dar tayi — „под“ (тадж.);

alhafiz — „петух“ (арабск.);

bəng kard — „закричал“ (тадж.);

bəxəz — „вставай“ (тадж.);

воу-воу kin — „разбросай“ (снопы по току);

ta частица понуждения;

važdra — „просохли“.

2) *ayo hay vudičak, tu pinjev naħre, mana nanik bəzanata* — „Эй, воробей, не клюй просо, (не то) меня мать побьет“.

ayo hay — „эй“, обращение;

vudičak — „воробей“, Морг.¹ шугн. *videč*, Зар.² барт., руш. *wedič*, орош. *wadič*;

tu — „ты“ (тадж.);

pinjev — „просо“, Морг. шугн. *pinj*;

naħre — „не ешь, не клюй“ (тадж.);

mana — „меня“ (тадж.);

nanik — „мать“, Морг. йидга, вах., шугн. *nān*, язг. *nān* — „мать“;

bəzanata — „побьет“ (тадж.);

3) *vaγmi (raγdi) kapol, paski devol (devur), čangolavol biyor* — „Кувшин с маслом за стеной (за дверью), принеси... (čangolavol)“

raγd(i), vaγm(i) — „топленое масло“ (?);

kapol — „череп“ (сосуд?) в язг.³ и других памирских языках „череп“ — *kapol* — также и в совр. ванджских говорах;

paski — „за, позади“, в язг. „также“;

devol — „стена“;

devur — „дверь“, язг. *devur*, Зар. орош. *devür, divür*;

čangolavol(?)

biyor — „принеси“ (тадж.);

4) *paski devur pas qalavur* — „посторожи за дверью“ (?)

Б. Слова, записанные отдельно

aspalan — „конюшня“; Морг. йидга, мундж., шугн., язг. *aspalan* также в верхневанджском говоре. Морг. считает *aspalan* < *aspadāna* и сравнивает с Авест. *aspastāna*;

¹ Впредь все ссылки будут даваться по изданию: G. Morgenstierne. *Indo-Iranien Frontier Languages*. Oslo, 1938.

² Ссылки даются по работам И. И. Зарубина: *Орошорские тексты и словарь. Памирская экспедиция 1928 г., вып. VI. Лингвистика*. Л. 1930; *Бартагские и рушанские тексты и словарь*. М.—Л., 1937.

³ Сведения по язгулемскому языку собраны автором в долине реки Язгулем в 1951 г.

- banič* — „земля“; Зар.¹ „земля“ *zatič, mič*, ср. *yamič*;
bosparan — „высокое место“;
γič — „сырой, влажный“; в вандж. говор. (Бунай) *ouγəč, oγəč, γəč* — „не-
 дозрелый тут“;
yamič — „земля“; ср. *banič*;
jus — „змея“, ср. Зар. мундж. *iž(?)*;
kana — „ровное место“;
куруyamič — „земля с камнями“; Зар. *kip* — „камень“, также в совр.
 вандж. говорах;
məndək — „сурок“, Морг. сангл. вах. *wundok*;
padavdagin — „дом в нижней части кишлака“; ср. употребление суф-
 фикса *-gin*: *bərgin* — язг. „верхняя часть долины“, *gərgin, poter-
 gin, girangin* — названия кварталов в кишл. Сангвор (Вахио-
 боло)²;
reγraun — „дорога, тропа с галькой, крупным песком“; Зар. *rain* — „до-
 рога“, *reγ* — „осыпь, обвал“; ср. *fəraxran, rubčraun* — названия
 пахотной земли в верховьях Ванча;
žiradun — „кожаный мешок для провизии“; ср. в кишл. Ягид (Дарваз)
žira — „кусочек“, орош. *jira*;
parehad }
šarg } название пахотных земель в верхней части Ванча (кишл. Гарм-
xargič } чашма)
rubčraun }

Кроме того, некоторые из слов, записанных И. И. Зарубиным, были также сообщены и нам:

- ripč* — „лиса“ (в сказке также встретилась *bobo rubiz* — „дедушка-лис“);
sorogayi šo — „пастбище, принадлежащее шахам“ (Верх. Ванч), ср. Зар.
soroxfa — „летнее коровье пастбище“;
kip — „камень“;
šayauŋ — „красивая женщина“;

(Ряд приведенных слов записан от жителя кишлака Язго, сельсовет Рованд, Эльчиева Юсуфа).

II ВЛИЯНИЕ ВАНДЖСКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННЫЕ ВАНДЖСКИЕ ГОВОРЫ

Следы слов, приведенных выше и опубликованных И. И. Зарубиным, в настоящее время можно также обнаружить и в ванджских говорах: прежде всего они сохранились в названиях сортов плодов — яблок, груш, орехов и в топонимике. Так, И. И. Зарубин приводит следующую

¹ И. И. Зарубин. К списку памирских языков, стр. 80.

² См. Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло. Л., 1936. Схема кишлака Сангвор, стр. 23.

щие названия яблок: *main* — „яблоко“, *səxamain* — „мелкое яблоко“, *targmain*, *xafij*, *tarxawij*, *taxawinj* — названия сортов яблок. В современных ванджских говорах яблоко называется обычным таджикским словом *sey*, но названия сортов яблок, записанные в Верхнем Ванче (Мдыхарв), совпадают со старо-ванджскими: *šulmun*, *suxamayn*, *taxarvinj*. Груша называется *amrud*, но среди сортов груши в Мдыхарве имеется также *γaramrud* (ср. Зар. *γара merud* — „крупная груша“); орех — общетаджикское *cormaγz*; сорта ореха в Мдыхарве — *cormaγzi γəz*, *γuznulu* (ср. Зар. *γuz* — „орех“, шугн. *γuz*, язг. *γəz*, перс. тадж. *guz*). Форма *γəz* сохранилась и в одном из анекдотов о первых переселенцах из соседнего сурового Вахио-боло в плодородный Ванч о том, как один из вахиочей принял зеленый орех за яблоко. Надкусив орех и почувствовав горечь, он сказал: *γəz bisyor sebi xubay vore tumč* — „орех — хорошее яблоко, но горькое“ (Бунай).

Выше уже указывалось на то, что некоторые ванджские слова употребляются и в современных говорах: *aspalang* — „конюшня“: *aspa dar aspalang doxti?* — „Ты поставил лошадь в конюшню?“ (Ван-Ван боло), *kup* — „камень“: *ana, amū kupi katta nadidi? Dar minayi zamin, partoviš* — „Вон, ты не видишь, тот большой камень посреди поля? Отбрось его!“ (Бунай).

Ванджские слова сохраняются в топонимике: например, *rupčrayn*, *reyrayn*, *fəraxran*.

И. И. Зарубин указывал, что для ванджского языка характерно наличие суффиксов *-ij*, *-aj*, *-inj*, *-oč*. Действительно, в современных ванджских говорах имеется большая группа местных слов, оформленных этими суффиксами (*-aj*, *-uj*, *-oī*, *-nj*; *-uč*, *-əč*, *-oč*, *-ač*, *-ič*, *-eč*), или оканчивающихся на группы согласных: *-xč*, *-rč*, *-fč*: *tamaγj* — „сырой, влажный“, *jūj* — „боярышник“, *kurūj* — „зеленый тут“, *vūj* — „угол, край“, *būj* — „сушеные абрикосы“, *alyač* — „грязный“, *saγoč* — „плоский камень, каменная доска“, *parγəč* — „косой“, *kərc* — „корзина“, *qurč* — „высший сорт железа“ и др.

Наряду с указанными суффиксами в современных ванджских говорах распространен суффикс *-i*, который присоединяется к таджикским именам существительным или прилагательным, придавая им новые лексические значения: *tabaq* — „тарелка, блюдо“, *tabaqi* — „небольшое угощение, подносимое на блюде“, *buy* — „запах“, *buyi* — „окуривание“; *xazoni* — „осенний, озимый“, *kišti xazoni* — „осенний сев, озимый хлеб“, *xazonikuvī* — „обмолот озимого хлеба“: *tauqi* — „капкан“, *təxm* — „семя, семена“, *təxti* — „семена“, *bim* — „страх“, *bimi šudan* — „испугаться“; *γam* — „печаль“, *γami šudan* — „устать“: *e, γami šiem, yak dam zanem* — „Эх, устали, давайте минутку отдохнем“ (Рохарв); *hilagar* — „хитрец, ловкач“, *hilagari* — „милый, любимый“: *umro šud ki giriftori tum, e hilagari, hama dam tašnayi didori tum, e hilagari* — „Много лет прошло с тех пор, как я увлечен тобой, о милая! Каждое мгновенье жажду тебя видеть, о милая!“ (из популярной песни ванджского поэта Мулло Йора);

jumbuli — „мелкий“, *ravi* — „отправляющийся в путь: *mardi ravi ućako ord mebeza* — „Отправляющийся в путь, стоя, сеет муку“ (погов.)¹.

К фактам фонетического влияния памирских языков (ванджского) на ванджские говоры следует отнести следующее:

1. приобретение звуком *u* переднего характера (*rüz* — „день“, *süxt* — „сгорел“, *harüs* — „невеста“).
2. переход *u* → *i*².
3. сильную придыхательность *p, t, k*.
4. Неустойчивость ниже-фарингального *h* во всех позициях³, но в то же время появление его перед гласным началом слова.
5. Соответствие в нескольких словах таджикского *g* современному ванджскому *γ*: *cortayzi γəz, γuznulu* — „сорта ореха“, *kirmγaz* — „червивый“.
6. Спирантизация губного *b*, в том числе и в аблауте: *warūta* ← *baromad*; при этом наблюдается ассимиляция его с последующим *u*: *boγūn* ← *boγbon* — „садовник“; *vegaun* ← *begahbon* — „гость, остающийся ночевать“.
7. Наличие слов, содержащих звук *ž*: *žüž* — „боярышник“ (вариант *jüj*); язг. *žüž*, общетаджикское *doluna, žib kardan* — „обмазывать крышу глиной“, *živuq* — „мятый, скомканный“, *xərižk* — „обрыв“.

III СВЯЗЬ СОВРЕМЕННЫХ ВАНДЖСКИХ ГОВОРОВ С ЯЗГУЛЕМСКИМ И ДРУГИМИ ПАМИРСКИМИ ЯЗЫКАМИ

Выше были рассмотрены те фонетические элементы, которые свидетельствуют о влиянии памирских языков на ванджские говоры. Вместе с тем словарный состав ванджских говоров содержит ряд слов, общих с соседним с ними язгулемским языком и с другими памирскими языками. Эти слова совпадают как по своему фонетическому составу, так и по значению:

современные ванджские говоры	язгулемский язык
<i>deh kardan</i> (Верхний Ванч) „бить“	<i>dahaj</i> — „бить“, основа <i>de</i> имеется и в других памирских языках;
<i>il, ilga</i> — „летовка“;	<i>il</i> — „альпийское пастбище, летовка“;
<i>ilič</i> — „женщина, заготавливающая молочные продукты на летовке“;	Так же;

¹ О суффиксе *-i* в памирских языках см. G. Morgenstierne. Ук. соч., стр. 119.

² Эти два признака характерны лишь для орошорского. См. И. И. Зарубин. Орошорские тексты, стр. 98; Бартагские и рушанские тексты, стр. 4.

³ „Одной из особенностей всех восточно-иранских языков, начиная с афганского и кончая осетинским, является исчезновение иранского придыхательного *h* после гласного“. А. А. Фрейдман. Хорезмийский язык. Л., 1951, стр. 11.

<i>fi</i> (Верхний Ванч) — „лопата деревянная“: <i>fira biyor</i> , <i>barfru</i> — „принеси лопату для сгребания снега“;	Имеется и в других памирских языках. Ср. осет. <i>fiyyag</i> — „лопата“;
<i>fiyak</i> — „лопатка“ анатом.;	
<i>karol</i> — „череп“;	Так же;
<i>γarəmba</i> — „сушеный, раздробленный тут“;	” ”
<i>kip</i> — „камень“;	” ”
<i>paš</i> — „густой компот из абрикосов“;	” ”
<i>fibun</i> (Верхний Ванч), „провиант пастуха“;	” ”
<i>ruštut</i> — „сорт тута“;	<i>rušt</i> — „красный“;
<i>tak</i> — „глотка, горло“;	Так же;
<i>xür</i> (Рованд, Верхний Ванч) — „зерно, зерновой хлеб“;	Так же, ср. осет. <i>xor</i> в том же значении;
<i>ba</i> , <i>bam</i> — „поцелуй“;	Имеется во всех памирских языках, а также в осетинском.
<i>soridan</i> — „шпионить, подкрадываться“ (записано в стихах Мулло Йора);	руш. <i>sor</i> : <i>sort</i> — „подкрадываться, красться“, ср. осет. <i>sorun</i> „преследовать“;
<i>sipoj</i> — „обмолоченная, ссыпанная в кучу пшеница на току“;	руш. <i>sepin</i> : <i>sepint</i> прич. прош. вр. <i>sepinč</i> — „сыпать“;
<i>fraun kardan</i> — „поливать“;	орош. барт. <i>firaw</i> : <i>firawd</i> — „поло- скать“, язг. <i>frawaj</i> мундж. <i>frakon</i> : <i>frakevd</i> — „поло- скать“.
<i>fraw kardan</i> — „полоскать“;	
<i>frakondan</i> — „полоскать“;	

Это слово имеется и в других юго-восточных говорах, а также входит составной частью в сложное слово: *farawjow*, *fraujow* — „ополоски, помои“ (Рованд, Сафедорон). Ср. вандж.-тадж.: *čilikta fraun kun* — „сполосни пальцы“, язг. *takt frawawa*, *juld!* — „вымой чашку, быстрее“. „Клещ“ по-таджикски *kana*, язг. *kanduk*; в Каратегине (Яхакпаст) бытует сказка, персонажами которой являются *kandukak* — „клещ“ и *murčikak* — „муравей“: *Murčikak dar deg zad, suxt, Kandukak ruhoša xər kard, peši akašū raft* — „Муравей упал в котел, сгорел, клещ исцарапал себе лицо и отправился к своему старшему брату“¹.

„Пещера, расселина в скале“ в язгулемском называется *slex*. Это слово в ванджских говорах сохраняется в названии Кофарсилох „пещера неверных“ (Гуджовас, Верхний Ванч), куда, по преданию, якобы отводили умирать стариков, и в названии отверстия для засыпки породы в верхней части домницы — *salohi* (Бунай).

¹ См. А. Э. Розенфельд. Из области таджикско-персидских фольклорных связей. „Советская Этнография“, 1948, № 1, стр. 205—206.

На Ванче, в кишл. Бовид нами записана фраза: *deg-degi sangi bə-gir, baraš* — „возьмите (ковер) за четыре конца и перенесите“. В ваханском имеется глагол *deg: degd* — „поднимать“, который следует сопоставить с приведенным выше предложением.

Интересный материал, часть которого была приведена выше, содержится и в топонимике Ванча. Укажем еще на такой пример: В нижней части Ванча имеется кишлак под названием Вискрог (*Wiskroy*), что следует понимать как „виноградник“. В язгулемском языке „виноград“ называется *wiðk*, а вторая часть этого топонима — *roy* старое иранское слово „луг, сад“, распространенное в топонимике юго-восточного Таджикистана.

Количество примеров может быть значительно увеличено, однако и приведенных фактов достаточно для того, чтобы показать, что памирские языки оставили большой след в словарном составе современных ванджских говоров таджикского языка.

Список сокращений

арабск.	арабский	осет.	осетинский
бар.	бартангский	руш.	рушанский
вандж.	ванджский (старо-ванджский)	сангл.	сангличский
вах.	ваханский	тадж.	таджикский
мундж.	мунджанский	шугн.	шугнанский
орош.	орошорский	язг.	язгулемский
перс.	персидский		